

DOI 10.15826/qr.2016.4.204

УДК 327(44:470)"1966..." +929Шарль де Голь+929Брежнев+316.774

ВИЗИТ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОПРОСЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ МОСКВЫ В 1966–1969 гг.*

Михаил Липкин

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

CHARLES DE GAULLE'S VISIT TO THE SOVIET UNION AND MOSCOW'S INTERNATIONAL POLICY STRATEGY BETWEEN 1966 AND 1969**

Mikhail Lipkin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article is based on recent archival findings that throw a new light on the preparations for and results of President Charles de Gaulle's state visit to the USSR in 1966. The results are analysed as part of the expansion of Soviet bi- and multilateral relations which developed in the context of European cooperation in the late 1960s. Special emphasis is given to the unprecedented media support for Franco-Soviet contacts. Focus is placed on the preparation and organisation of the visit, with reference to new archival materials from the Russian State Archive of Contemporary History. The author also illustrates the Soviet authorities' realistic and flexible approach to foreign affairs. It is also noted that, regardless of the social structure of European states, issues of economic and technical collaboration were the objects of a great deal of attention. This state visit is compared with the visits of other leaders, such as

---

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих молодых докторов МД-6912.2015.6 «Советский Союз и модернизационные вызовы 1960-х: в поисках нового внешнеэкономического инструментария».

** Citation: Lipkin, M. (2016). Charles de Gaulle's Visit to the Soviet Union and Moscow's International Policy Strategy between 1966 and 1969. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 4, p. 261–274. DOI 10.15826/qr.2016.4.204.

Цитирование: Lipkin M. Charles de Gaulle's Visit to the Soviet Union and Moscow's International Policy Strategy between 1966 and 1969 // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 4. P. 261–274. DOI 10.15826/qr.2016.4.204 / Липкин М. Визит Шарля де Голля в Советский Союз и вопросы внешнеполитической стратегии Москвы в 1966–1969 гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 4. С. 261–274. DOI 10.15826/qr.2016.4.204.

Richard Nixon, Harold Macmillan, and Konrad Adenauer, to the Soviet Union. The article demonstrates that Soviet diplomats and highly-ranked officials had a very special attitude towards de Gaulle even during his resignation in 1969. The 'special relations' between Moscow and Paris after de Gaulle's visit could be considered as one of the best examples of peaceful convergence between the West and the East in the 1960s.

Keywords: Franco-Soviet relations; USSR; France; Charles de Gaulle; L. I. Brezhnev; Détente; security; state visit; media space; scientific and technical connections; mass media.

На новом архивном материале рассмотрены обстоятельства визита президента Французской Республики Шарля де Голля в Советский Союз в 1966 г. и их значение для дальнейшего развития двусторонних и многосторонних отношений СССР в широком контексте политики общеевропейского сотрудничества второй половины 1960-х гг. Показан беспрецедентный для своего времени масштаб мер информационного сопровождения советско-французских контактов. Особое внимание уделено изучению подготовки и проведения данного визита на основе новых архивных материалов РГНИ. Показаны реалистичность и гибкость внешнеполитического подхода руководства СССР. Отмечено важное значение вопросов экономического и научно-технического сотрудничества государств Европы вне зависимости от их социального строя, которым на переговорах было уделено самое пристальное внимание. Визит анализируется в сравнении с визитами в Советский Союз таких государственных деятелей как Гарольд Макмиллан, Ричард Никсон и Конрад Аденауэр. Автор приходит к выводу об особом отношении к персоне де Голля со стороны советских дипломатов и высшего партийного руководства даже в момент его отставки с президентского поста в 1969 г. и о важности советско-французских отношений в качестве эталона возможностей мирной конвергенции Запада и Востока в 1960-х гг.

Ключевые слова: франко-советские отношения 1960-х гг.; СССР; Франция; Шарль де Голль; Л. И. Брежнев; разрядка; безопасность; государственный визит; научно-технические связи; средства массовой информации.

В 2016 г. отмечается юбилей исторического визита Шарля де Голля в Москву 20 июня – 1 июля 1966 г., открывший новый этап в двусторонних отношениях стран разных социально-политических систем и в значительной степени оказавшийся тестом на способность к сотрудничеству таких стран в региональной и глобальной системе координат периода холодной войны. В истории двусторонних отношений СССР с ключевыми странами западного мира визит де Голля остается одним из рекордных по своей продолжительности: знаменитый визит Конрада Аденауэра (8–14 сентября 1955) длился неполных семь дней, «исследовательский» визит британского

премьер-министра Гарольда Макмиллана (21 февраля – 3 марта 1959) продлился 11 дней, однако не принес существенных результатов в политико-экономической области [Липкин, 2010, с. 317–319]. Визит президента США Ричарда Никсона по приглашению Л. И. Брежнева (22–30 мая 1972) длился девять дней. Впоследствии ритм жизни мировых лидеров настолько убыстрался, что они все реже могли себе позволить более двух недель посвятить официальному визиту в ключевую страну социалистического лагеря. А ведь для понимания и погружения в реальную советскую жизнь, преодоления стереотипов и выработки собственного опыта требовались упорство и смелость оставить собственную страну на такой продолжительный срок, как в случае с президентом де Голлем. С учетом географической протяженности визит стал целым путешествием по Советскому Союзу и, судя по воспоминаниям де Голля, произвел на него большое впечатление¹.

В ходе визита французскому президенту были оказаны особые знаки внимания с советской стороны – ему была предоставлена возможность выступать с трибуны Моссовета перед жителями Москвы, ему первому показали запуск советской ракеты с космодрома Байконур [Там же, с. 386–387]. Помимо этих общеизвестных фактов, открывшиеся в 2014 г. в РГНИИ документы Политбюро ЦК КПСС позволяют существенно дополнить наши знания о подготовке и последствиях этого знакового события для советско-французских отношений и в целом европейской политики СССР.

О том, как встречать дорогого гостя, конкретные инструкции и поручения давались в объемном постановлении Политбюро СССР «По вопросам, связанным с предстоящим официальным визитом в СССР президента Франции де Голля», к которому относилось несколько детализирующих поручения приложений.

Во-первых, бросается в глаза внимание к информационному обеспечению визита. Вторая половина 1960-х была временем не просто газет и радио, но и телевидения, включая передовое спутниковое цветное. И французская, и советская сторона тщательно готовились к освещению этого события. Информационная подготовка включала в себя как меры организационно-технического порядка, так и собственно установки для представителей прессы о том, в каком духе освещать визит высокого гостя.

Одними из наиболее интересных документов из комплекса материалов, принятых постановлениями Политбюро накануне визита президента Франции, являются секретные «Предложения по вопросам, касающимся информационно-пропагандистских мероприятий в связи с визитом де Голля в СССР» и «Указания для советских орга-

---

¹ Как следует из исследования ведущего отечественного историографа де Голля М. Ц. Арзаканян, генералу были свойственны долгие заграничные вояжи – например, после СССР он отправился в турне по странам Африки и Французскую Полинезию. Однако одно дело – поездки в бывшие колонии, которые сохраняли тесные связи с Францией, другое – за «железный занавес» в СССР [Арзаканян, с. 390–391].

нов печати и радио по освещению вопросов, связанных с предстоящим визитом президента Франции де Голля в СССР» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 107–108; 103–106].

В первом документе давались поручения различным советским ведомствам по подготовке информационного поля визита как во Франции, так и в СССР, а также прописывались технические стороны обеспечения работы журналистского пула на территории СССР. Для организации прямых телерадиорепортажей из Советского Союза в Париж направлялись специальные представители советской стороны. Следует оговориться, что помимо чисто информационной составляющей, эти репортажи должны были продемонстрировать самые передовые достижения СССР в области радио и телевидения – одной из областей перспективного сотрудничества с Францией, в которой в дальнейшем были подписаны соответствующие соглашения и развивалась совместная работа по усовершенствованию цветного телевидения². Мир вступал в эру цветного спутникового телевидения, и СССР стремился грамотно продемонстрировать свои новейшие разработки. Не случайно в качестве одного из памятных подарков де Голлю готовился и был подарен многосерийный цветной фильм о его пребывании в советской России. Такое могла себе позволить далеко не каждая страна. В базовом же Постановлении ЦК КПСС по вопросам визита де Голля в СССР предписывалось Министерству связи СССР представить предложения о проведении с помощью спутника связи «Молния-1» прямых телепередач на Францию о пребывании французского президента, что также было технической новинкой в освещении визитов [Там же. Д. 10. Л. 103].

Создание благоприятного информационного поля включало в себя как подготовку и трансляцию репортажей о различных сторонах жизни СССР для франкоязычной аудитории, так и организацию культурного фона визита – выставку «Советско-французские культурные связи» в Москве и французскую выставку «Роден и его время», а также показы французских и советских фильмов о Франции в городах, посещавшихся официальной делегацией (Москве, Ленинграде, Волгограде, Новосибирске, Киеве) [Там же. Д. 11. Л. 104].

Беспрецедентным для своего времени был масштаб мер информационного сопровождения визита – количества журналистов, которые сопровождали французского президента в его путешествии по СССР. С советской стороны выделялось 12 корреспондентов из ведущих изданий и информационных агентств («Правды», «Известий», ТАСС, Фотохроники ТАСС, «Les Nouvelles de Moscou», «Огонька», АПН, Комитета по радиовещанию и телевидению при СМ СССР) и два кинооператора для кинохроники [Там же. Л. 105]. В Москву по туристическим визам разрешался въезд 80 (!) французских корреспондентов и десяти человек технического персонала, а также 20 корре-

² Подробнее об использовании этого спутника связи и научно-техническом сотрудничестве в области космоса и телевидения см.: [Blamont; Barjot, Park-Barjot].

спондентов из третьих стран (по усмотрению МИД и КГБ СССР) [Там же]. Они могли сопровождать де Голля везде, и Министерству гражданской авиации СССР было поручено специально выделить «один-два спецсамолета» [Там же]! Иностранным корреспондентам разрешалось посещать все публичные мероприятия, посылать за границу непроявленную киноплёнку и магнитные плёнки (то есть вводилась свобода слова в условиях продолжавшейся холодной войны), они могли оперативно передавать информацию из Москвы и других городов, посещаемых де Голлем, по радиоканалам, что было немыслимо, скажем, в 1950-х гг. для Аденауэра или Макмиллана, которых сопровождали единичные корреспонденты, в основном печатных органов СМИ.

В «Указаниях для советских органов печати и радио по освещению вопросов, связанных с предстоящим визитом президента Франции де Голля в СССР» в директивной форме давалась установка на размещение акцентов непосредственно в репортажах и иных материалах, освещавших ход визита. Во-первых, следовало противопоставлять традиционные двусторонние симпатии и дружеские советско-французские отношения идеям атлантизма. Во-вторых, акцентировать внимание на тех моментах, где позиции обеих стран были наиболее близки (прекращение войны во Вьетнаме, неизбежность послевоенных границ, недопущение ФРГ к ядерному оружию). В-третьих, очевидно, с целью пресечь чрезмерную ревность со стороны «друзей» во французской коммунистической партии, давалась установка по возможности уходить от персонификации внешней политики Франции в лице одного де Голля и подавать позитивный материал о двусторонних отношениях от имени «широких французских общественных кругов», подчеркивая объективность советско-французского сближения [Там же. Л. 108].

Примечательно, что советские средства информации предостерегали о вреде «подчеркнутого выражения... заинтересованности в той или иной позиции Франции», им рекомендовалось придерживаться «объективного, спокойного тона в освещении внешнеполитических шагов французского правительства», одновременно снизив критический накал в подаче материала по внутренней политике Пятой республики. То же самое касалось тех внешнеполитических вопросов, где позиции Москвы и Парижа расходились (отказ Парижа от подписания Московского договора о частичном запрещении ядерных испытаний, неучастие в заседаниях Женевского комитета восемнадцати по разоружению и др.). Негатив следовало убрать из информационного поля, сконцентрировавшись на позитивных моментах [Там же].

Новый подход в информационной подготовке визита сопровождался и новым подходом в повестке дня и установками непосредственно для дипломатических заседаний. Об этом позволяет говорить ключевой документ «Предварительные соображения к переговорам

с президентом Франции де Голлем» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 72–79]. Его отличают реалистичность и гибкость внешнеполитического подхода новой команды Л. И. Брежнева. В нем рефреном повторяется мысль о ненавязчивом стиле общения с французской стороной, о прощупывании точек соприкосновения по широкому спектру вопросов (от европейской безопасности до войны во Вьетаме и ситуации в Африке). Фраза «идти параллельным курсом или действовать совместно» повторяется в разных его частях несколько раз, означая понимание международных обязательств Пятой республики и порою неудобство для нее в открытую поддерживать линию СССР в тех или иных вопросах, даже при наличии общих позиций [Там же. Л. 75, 76]. В пункте об урегулировании германской проблемы, где обе страны официально не могли отказаться от заявлений о праве немцев на воссоединение, но в реальности понимали невозможность такого шага в ближайшем будущем, предлагалось «вести дело к достижению молчаливой договоренности о том, чтобы в обозримом будущем исходить в европейских делах из факта существования двух германских государств» [Там же. Л. 77].

Важное место как в «Предварительных соображениях» к переговорам с де Голлем, так и в специально подготовленном в виде приложения к ним тексте Соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между Правительством СССР и Правительством Французской Республики отводилось оценке значимости экономического и научно-технического фактора применительно к тому, что можно было бы условно назвать советской «паутинной» концепцией безопасности в Европе³. В одобренных Президиумом ЦК КПСС «Предварительных соображениях» говорилось о новой расширительной трактовке советской стороной концепции безопасности в свете сближения с Францией и линией на общеевропейское совещание. Эта линия просматривается и в других внешнеполитических документах – в частности, в отношении Великобритании и Италии. В, казалось бы, сугубо военно-политическом разделе «Вопросы европейской безопасности и германская проблема» говорилось о растущем интересе европейских государств к расширению связей и контактов как на двусторонней, так и на многосторонней основе [Там же. Л. 75–76].

Особенно отмечался встречный интерес европейских стран к научно-техническому сотрудничеству с СССР. В этой связи в материалах к визиту проводилась мысль о том, что «в Европе активизируются силы, выступающие за стабилизацию политической обстановки на континенте. Советское правительство считает необходимым содействовать этому процессу, устранить препятствия, которые мешают сближению и сотрудничеству государств Востока и Запада Европы. В этом плане важное значение имеет развитие экономического

---

³ Термин вводится автором.

и научно-технического сотрудничества государств Европы вне зависимости от их социального строя. Разумеется, мы не исключаем и возможности участия ФРГ в таком сотрудничестве. Развитие такого сотрудничества могло бы послужить как бы *материальным фундаментом, на который должна опираться безопасность в Европе* (выделено мною. – М. Л.)» [Там же].

Конечно, помимо «джентльменских договоренностей», советская сторона ставила в качестве итоговой цели визита и достижение некоторых письменных соглашений в более обязывающей форме – говорилось о крайней желательности заключения политического договора или, в крайнем случае, совместной декларации [Там же. Л. 74]. В указаниях советскому послу в Париже для беседы с генеральным секретарем французской компартии Вальдеком Роше в преддверии визита французского президента особо отмечалось: «нам представляется важным, чтобы благоприятное развитие советско-французских отношений получило договорное закрепление. Политический договор между СССР и Францией явился бы важнейшим фактором обеспечения мира в Европе» [Там же. Л. 109–110].

Тексты принятой по итогам визита декларации, а также соглашения о сотрудничестве широко известны, а вот обстоятельства, связанные с попыткой заключения договора, изучены мало, особенно на фоне аналогичных попыток в отношении других стран. Советский проект предлагал заключить рамочный «Договор об отношениях между СССР и Французской Республикой» [Там же. Л. 80–82]. Стремление к улучшению обстановки в Европе подавалось через стремление к решению проблем, порожденных Второй мировой войной (то есть германской проблемы и проблемы послевоенных границ). Из обязательств в нем в общей форме фиксировался тезис о совместных консультациях, что, безусловно, было большим шагом вперед в выработке механизмов повышения взаимного доверия не на словах, а на практике.

Проект политического договора с Францией очень похож на аналогичный договор о дружбе и мирном сотрудничестве, который СССР пытался заключить с Великобританией в ходе визита премьер-министра Н. Косыгина на Британские острова в 1967 г.

Отдельные документы позволяют отрывочно восстановить судьбу переговоров на эту тему. Они говорят о том, что диалог между Москвой и Лондоном шел весной 1967 г. В Архиве внешней политики МИД РФ мне посчастливилось найти британскую версию документа. В ней бросается в глаза ряд пунктов, которые наверняка вызвали некоторое смущение советской стороны. Так, в духе политики разрядки англичане предлагали поощрять, наряду с культурными обменах и туризмом, «развитие условий, содействующих... свободному распространению, соответственно, в Соединенном Королевстве и в Советском Союзе всех книг, газет и иных изданий, публикуемых в другой

стране», а также обмен кино-, радио- и телепрограммами [АВП РФ. Ф. 69. Оп. 59. П. 237. Д. 13. Л. 83]. Можно только догадываться, насколько неприемлемыми для советской системы были эти положения. Очевидно, это стало одной из причин, по которым уже в мае 1967 г. Политбюро ЦК КПСС рассмотрело вопрос о проекте договора о дружбе и мирном сотрудничестве с Великобританией и приняло двойственное решение «поручить МИД СССР дополнительно изучить этот вопрос с учетом обмена мнениями на заседании Политбюро ЦК КПСС» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 91. Л. 10]. В итоге ни с Францией, ни с Великобританией подобных договоров заключено не было, хотя это явно была общая линия СССР на подготовку к общеевропейскому совещанию. Однако с обеими ключевыми странами континента были заключены соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве и были созданы новые двусторонние структуры для выполнения взятых обязательств.

Выступая на совещании министров внешней торговли стран – членов СЭВ по вопросам торгово-политических вопросов отношений со странами «Общего рынка» (Минск, 31 мая 1968), министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев так охарактеризовал новые тенденции в этой сфере: «Если бы мы имели больше ресурсов, то, несмотря на углубление интеграции на Западе, очень многие капиталистические страны желали бы в двустороннем порядке развивать торговлю с нами. Увеличилось количество смешанных торговых палат (с Финляндией, Англией, Италией, Францией, экономическая комиссия с Японией). Это явление нового характера. Раньше у нас имелись экономические комиссии только с социалистическими странами. <...> С ФРГ не имеем торгового соглашения по нашей инициативе, поскольку западногерманские власти однажды нарушили контракт на трубы. Несмотря на наше нежелание заключать торговое соглашение, ФРГ предприняла все меры для того, чтобы расширить торговлю с СССР и без торгового соглашения... Если бы мы захотели удвоить торговлю с ФРГ, то это можно было бы достигнуть в течение двух лет. Ряд товаров нам раньше никто не хотел продавать, а фирмы ФРГ их нам поставили... Но мы не идем на существенное расширение торговли с ФРГ по политическим мотивам» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 518. Л. 98].

Министр не случайно особо выделил ФРГ в своем выступлении. Несмотря на то, что в середине 1960-х гг. политические отношения с ней находились на крайне низкой отметке, это была ключевая страна как для развития западноевропейской интеграции, так и для любых вариантов военно-политического решения проблемы безопасности, равно как и для приводимого выше нового экономического аспекта безопасности в Европе, задевавшего все страны СЭВ.

Вопрос признания ГДР стал одним из камней преткновения на переговорах с де Голлем в Москве. Как описывает это советская сторона

в «совершенно секретном» пересказе итогов визита, предназначавшегося высшему руководству французской компартии, на переговорах Л. И. Брежнев заявил, что «отказ от признания ГДР не согласуется с концепцией признания фактического послевоенного положения в Европе и с концепцией единства Европы» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 24. Л. 64]. Де Голль дал понять, что не признает ГДР как раз по причине опасности увековечивания раскола – очевидно, что в его представлении о «единой Европе» Германия не должна была быть представлена двумя государствами. Хотя, как показывают документы переговоров, на них генерал делал оговорку, что Франция на заинтересована в сильной централизованной воссоединенной Германии и считает приемлемыми «какие-то варианты германской конфедерации» [Там же].

Как отмечал Е. А. Осипов, ключевым расхождением между французским и советским видением послевоенного мирового порядка (и Европы как части его) было противоположное стремление: Брежнев – подтвердить ялтинскую систему, основанную на правилах биполярности и сфер влияния, де Голль – разрушить ее и перейти к внеблоковой многополярности [Осипов]. Тем не менее, в оценках желательности ослабления атлантического влияния на европейские дела, в стремлении к недопущению ФРГ к ядерному оружию, в чисто двусторонних отношениях (например, взаимном интересе к научно-техническому сотрудничеству) стороны нашли общий язык, что и легло в основу итоговых документов.

Трудно назвать другую страну Западной Европы, с которой у СССР установились бы такие теплые и близкие отношения во второй половине 1960-х гг., как Франция. Безусловно, ключевую роль в сближении двух стран играл личный фактор – независимая политика де Голля, его последовательный антиамериканизм и стремление диверсифицировать внешнюю политику за счет «особых отношений» с Москвой. Позиция де Голля в НАТО и в ЕЭС крайне импонировала советской стороне, и, хотя с точки зрения товарооборота Франция по-прежнему уступала лидерство другим капитальным странам, по количеству политических консультаций, различного рода визитов, выставок, обменов она была для Москвы вплоть до смерти де Голля первой среди всех западноевропейских стран. В информации об итогах визита де Голля в Москву, разосланной советским послам в странах соцсодружества для передачи в качестве конфиденциальной, особо подчеркивалось: «мы поддержали тезис о необходимости решения европейских проблем прежде всего в рамках Европы, т. е. практически без американского вмешательства» [Там же. Л. 114].

О значимости концепции «Европы отечеств» Шарля де Голля для советской европейской политики говорят две версии комплексной записки МИД СССР «Об интеграционных процессах в Западной Европе» (первоначальная и итоговая). Первая обсуждалась в марте

1969 г., а затем была отправлена на доработку «с учетом замечаний» и принята в окончательном виде решением Президиума ЦК КПСС в декабре 1969 г.⁴ В ее раннем варианте пункт про Францию так и назывался – «Голлистская “Европа отечеств”». В нем говорилось, что в интерпретации французского президента «в таком виде “Европа отечеств” исключала бы, по крайней мере, на первом этапе Англию и имела бы некоторую антиамериканскую направленность. Вместе с тем, стремление Франции сохранить ведущее место в Западной Европе вынуждало бы ее искать противовес ФРГ путем маневрирования с США, а также развития отношений с Советским Союзом (деголлевская формула “Европа от Атлантики до Урала”))» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 24. Л. 163]. Из этого впоследствии существенно отредактированного и сокращенного абзаца следует, что, в отличие от времен Н. С. Хрущева, концепция «Европы от Атлантики до Урала» уже не вызвала у советской стороны такого бурного отторжения, как в начале 1960-х. Правда, отмечалось, что в итоге и этот вариант интеграции в силу своей классовой сущности был направлен на ослабление социалистического содружества, представляя, таким образом, лишь «меньшее из двух зол» для СССР [Там же].

В первоначальном мартовском варианте 1969 г. записки А. Громыко о процессах западноевропейской интеграции содержался важный пассаж в выводах к документу, впоследствии измененный и сокращенный (вероятно, ввиду того, что доработка документа шла уже в обстановке ухода де Голля с поста президента). Основная установка социалистических стран должна была быть направлена на то, чтобы действовать, «поддерживая соответствующие дезинтеграционные тенденции и процессы, выделяя среди интеграционных те, которые мешают сколачивать блок основных империалистических стран против СССР, ГДР и других социалистических стран (голлистская “Европа отечеств” и др.), продолжая неустанную линию борьбы против оси “Вашингтон – Бонн”, “Лондон – Бонн”, “Вашингтон – Лондон – Бонн” и т. п.» [Там же. Оп. 68. Д. 1128. Л. 165].

Примечательно, что в итоговой июньской версии записки ничего не говорится о различных вариантах оси «Париж – Бонн» или «Париж – Лондон», что наряду с другими местами документа, где отмечаются заслуги «антиамериканской» трактовки интеграции Парижа, делается вывод о том, что благодаря альтернативным путям развития западноевропейской интеграции, которые олицетворял собой де Голль, советский подход конца 1960-х все-таки был не так догматичен, как тезисы ИМЭМО 1962 г. Москва подходила к решению вопроса выборочно, всячески импонируя позиции де Голля, а порою идеализируя ее и степень своего влияния на Францию. В записке говорилось: «Правительство Франции проводило свой курс на самостоятельность, опираясь в определенной степени на Советский Союз. Эта линия будет, по-видимому, в той или иной мере продолжена

⁴ Подробнее анализ этого документа см. в 4-й главе монографии : [Липкин, 2016].

и после ухода де Голля, ибо на нее воздействуют объективные факторы: возросшая политическая и экономическая роль Франции в капиталистическом мире, пустившие глубокие корни разносторонние формы франко-советского сотрудничества и др.» [Там же. Л. 133]. Рассуждая о французской концепции «объединенной Европы», советские эксперты предвидели даже в случае включения в нее Великобритании антиамериканскую направленность европейского проекта во главе с Парижем [Там же. Л. 137]. Очевидно, что даже несмотря на обострившееся в течение 1969 г. из-за приграничного конфликта с Китаем чувство безопасности и возрождение стереотипов времен межвоенного периода, Кремль оставлял возможность дифференциации различных путей развития капиталистической интеграции.

Советско-французское сотрудничество второй половины 1960-х гг. было образцом мирной конвергенции стран Запада и Востока при сохранении идеологического дуализма. В отчете Государственного комитета СССР по науке и технике о работе IV сессии смешанной Советско-французской комиссии подводились некоторые итоги научно-технического и экономического сотрудничества с Францией за период 1967–1969 гг. [Там же. Д. 1139. Л. 141–144, 150–154]. В нем, в частности, отмечалось, что во Франции было принято решение о частичном сокращении количественных ограничений на импорт советских товаров во Францию и делаются заявления о перспективе полного их снятия в течение срока действия соглашения. Отмечались конкретные шаги в области использования мирного атома – подготовка совместного научного эксперимента на серпучковском ускорителе с помощью французской жидководородной камеры «Мирабель». Отдельно описывалась работа сессии смешанной советско-французской комиссии по цветному телевидению, которая была посвящена совместной разработке усовершенствованного телескопа с увеличенным отклонением луча [Там же. Л. 146].

Развивалось не только научно-техническое сотрудничество, но и военное, что было немыслимо в обстановке начала 1960-х гг. в условиях крайней подозрительности, которую питал Н. С. Хрущев к де Голлю и его концепции «Европы от Атлантики до Урала». К примеру, 22 ноября 1967 г. Политбюро положительно рассматривает вопрос «О мероприятиях по дальнейшему развитию контактов между вооруженными силами СССР и Франции» – формулировка, которую трудно было себе представить в повестке дня ЦК КПСС, скажем, в 1950-е гг. Комплекс мероприятий предусматривал обмен военно-спортивными делегациями, визитами учебных кораблей, начальников штабов и даже показ (на основе взаимности) нескольких военных объектов для делегаций работников военных аппаратов сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил Французской Республики. Допускалось даже в случае пожелания

французов разрешить им посещение военных учений и маневров в СССР [Там же. Оп. 72. Д. 131. Л. 65–66]!

Как отмечал исследователь франко-советской экономической разрядки Е. А. Осипов, «успешный визит французского президента в СССР в 1966 г. привел к созданию уникального для периода холодной войны механизма советско-французского экономического сотрудничества. В ходе переговоров с де Голлем А. Н. Косыгин открыто называл Францию “самым постоянным” партнером СССР на Западе» [Осипов].

На этом благоприятном фоне добровольный уход Шарля де Голля с поста президента Пятой республики стал настоящим шоком для советской дипломатии. Указания советским послам говорили о необходимости проявлять максимальный такт и сдержанность в выражении каких-либо симпатий в отношении тех или иных политических сил в республике [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 257. Л. 48]. «Принимая во внимание чувствительность государственных деятелей и общественного мнения Франции к реакции советской печати и радио, было бы целесообразно, как это имело место во время событий во Франции в мае-июне прошлого года, освещать в основном фактическую сторону происходящего со ссылкой на французские источники и через соответствующие заявления французских государственных и политических деятелей и партий. Воздерживаясь от собственных оценок и проявляя необходимый такт в отношении лично де Голля, желательно вместе с тем подвергать должной критике деятельность проатлантических сил во Франции», – говорилось в приложении к Постановлению ЦК КПСС от 8 мая 1969 г. «О некоторых мероприятиях в связи с уходом генерала де Голля с поста президента Франции» [Там же. Оп. 68. Д. 1024. Л. 7].

Постановление ЦК КПСС полностью одобряло соображения, изложенные в записке А. А. Громыко от 29 апреля 1969 г. В ней, с одной стороны, выражалось неверие в то, что де Голль ушел окончательно: отмечалось, что, «хотя сам де Голль оставил пост президента, это не означает, что он полностью сошел с политической сцены. Его слово и авторитет могут иметь вес и в дальнейшем» [Там же. Л. 5]. К слову сказать, сразу после известия о его уходе послу СССР во Франции были даны специальные указания найти удобный способ связаться с де Голлем и выразить ему благодарность и поддержку со стороны СССР.

В записке отмечалось, что внешнеполитическая ориентация Франции отличалась крайне выгодными для СССР чертами, что «во многом окрашивалось личными концепциями де Голля» [Там же]. Но была сформирована и внушительная объективная основа для поддержания высокого уровня отношений: были созданы «довольно солидные позиции для продолжения нынешнего благоприятного направления этих отношений (развитая практика двусторонних консультаций и обмена информацией по международным вопросам, представляющим взаимный интерес, увеличение более чем вдвое

объема торговли в 1964–1968 гг.; практическое сотрудничество в области цветного телевидения, в исследовании космоса и некоторых других сферах науки и техники; широкие обмены в области культуры и по общественной линии» [Там же. Л. 6]. Рекомендовалось, с одной стороны, не снижать активности в контактах с Францией, а с другой – проявлять такт в советских средствах массовой информации [Там же. Л. 7].

***

Советско-французское сотрудничество второй половины 1960-х гг. демонстрировало собой идеал (а возможно, и предел) мирной конвергенции стран Запада и Востока при сохранении идеологического плюрализма. Оно помогло подготовить атмосферу разрядки, в которой стало возможно проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в первой половине 1970-х гг. Залогом успеха стал безукоризненно подготовленный и осуществленный официальный визит президента Франции Шарля де Голля в СССР в 1966 г.

По тонкому наблюдению бывшего премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана, «когда де Голль говорил “Европа”, он имел в виду Францию, когда Москва говорила “Франция”, она имела в виду Европу» (ор. cit.: [Mueller, p. 83]). Если для 1950-х гг. «витриной», или эталоном взаимовыгодного мирного сотрудничества между Востоком и Западом служила Финляндия, то во второй половине 1960-х в качестве образца для подражания СССР везде подчеркивал особые связи Москвы и Парижа. Причем по объему взаимной торговли Франция занимала второе-третье место, уступая в отдельные годы то Великобритании, то Японии. Однако, в отличие от последних, в случае с де Голлем чисто экономическая разрядка сопровождалась действительно тесными политическими контактами и консультациями, что было так нетипично для периода классической холодной войны. Проявленные с обеих сторон гибкость и реалистичный подход позволяли не акцентировать внимание на расхождениях, а работать конструктивно. При должной государственной поддержке это дало возможность восстановить партнерское доверие и принесло ощутимые политико-экономические результаты.

Список литературы

- АВП РФ. Ф. 69. Оп. 59. П. 237. Д. 13. Л. 83.
Арзакян М. Ц. Великий де Голль : «Франция – это я!» М. : Яуза ; Эксмо, 2012. 512 с.
Липкин М. А. Советско-британские отношения в контексте интеграционных и дезинтеграционных процессов в Европе (1956—1973 гг.) // Россия и Британия. М. : Наука, 2010. Вып. 5. С. 317–340.
Липкин М. А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2016. 560 с.

Осинов Е. А. Экономический аспект разрядки: СССР — Франция (1966—1970 гг.) // История : науч.-образоват. журн. 2015. Т. 6. Вып. 11 (44). URL: <http://history.jes.su/s207987840001338-0-1> (дата обращения: 02.09.2016).

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 1024. Л. 5—7; Оп. 68. Д. 1128. Л. 133, 137. Оп. 68. Д. 1139. Л. 141—144, 146, 150—154. Ф. 3. Оп. 72. Д. 11. Л. 72—79, 80—82, 103—110. Ф. 3. Оп. 72. Д. 10. Л. 103. Ф. 3. Оп. 72. Д. 91. Л. 10. Ф. 3. Оп. 72. Д. 24. Л. 64, 114, 163, 165. Ф. 3. Оп. 72. Д. 131. Л. 65—66. Ф. 3. Оп. 72. Д. 257. Л. 48. Ф. 5. Оп. 60. Д. 518. Л. 98.

Barjot D., Park-Barjot R.-R. Transferts de technologie entre France et URSS du milieu des années 1960 à celui des années 1970: entre coopération scientifique et technique, choix des politique étrangères et montagne financiers a long et moyen terms // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке / под ред. А. О. Чубарьян, Ф.-Д. Лиштенан и др. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 101—116.

Mueller W. Recognition in return for détente? Brezhnev, the EEC, and the Moscow Treaty with West Germany, 1970—1973 // J. of Cold War Studies. 2011. Vol. 13, No 4.

Rey M.-P. La tentation du rapprochement : France et URSS à l'heure de la détente. Paris : Publ. de la Sorbonne, 1991.

De Gaulle et la Russie : CNRS Histoire / sous la direction de M. Vaïsse. Paris : CNRS Ed., 2006.

References

Arzakanyan, M. Ts. (2012). *Veliky de Goll' : "Frantsiya – eto ya!"* [The Great de Gaulle: France is Me]. 512 p. Moscow, Eksmo.

AVP RF. Stock 69. L. 59. P. 237. Dos. 13. Leaf 83.

Barjot, D. & Park-Barjot, R.-R. (2013). Transferts de technologie entre France et URSS du milieu des années 1960 à celui des années 1970: entre coopération scientifique et technique, choix des politique étrangères et montagne financiers a long et moyen terms. In Chubar'yan, A. O. & Liechtenhan, F.-D. (Eds.). *Frantsuzy v nauchnoy i intellektual'noy zhizni SSSR v XX veke* (pp. 101—116). Moscow, IVI RAN.

Lipkin, M. A. (2010). *Sovetsko-britanskie otnosheniya v kontekste integratsionnykh i dezintegratsionnykh protsessov v Evrope (1956—1973 gg.)* [Russian-British Relations in the Context of Integration and Disintegration Processes in Europe (1956-1973)]. In *Rossiia i Britaniya* (Iss. 5, pp. 317—340). Moscow, Nauka.

Lipkin, M. A. (2011). *Sovetsky Soyuz i evropeyskaya integratsiya: seredina 1940-kh – seredina 1960-kh godov* [The Soviet Union and European Integration: the Mid-1940s – Mid-1960s]. 304 p. Moscow, IVI RAN.

Lipkin, M. A. (2016). *Sovetsky Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov* [The Soviet Union and the Integration Processes in Europe: the Mid-1940s – Late 1960s]. Moscow.

Osipov, E. A. (2015). *Ekonomichesky aspekt razryadki: SSSR – Frantsiya (1966—1970 gg.)* [The Economic Aspect of Détente: The USSR – France (1966—1970s)]. In *Istoriya : nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*, Vol. 6, Iss. 11 (44). URL: <http://history.jes.su/s207987840001338-0-1> (mode of access: 02.09.2016).

Rey, M.-P. (1991). *La tentation du rapprochement : France et URSS à l'heure de la détente*. 355 p. Paris, Publ. de la Sorbonne.

РГАНИ. Stock 3. Leaf 68. Dos. 1024. Leaf 5—7. Leaf 68. Dos. 1128. Leaf 133, 137. Leaf 68. Dos. 1139. Leaf 141—144, 146, 150—154. Stock 3. Leaf 72. Dos. 11. Leaf 72—79, 80—82, 103—110. Stock 3. Leaf 72. Dos. 10. Leaf 103. Stock 3. Leaf 72. Dos. 91. Leaf 10. Stock 3. Leaf 72. Dos. 24. Leaf 64, 114, 163, 165. Stock 3. Leaf 72. Dos. 131. Leaf 65—66. Stock 3. Leaf 72. Dos. 257. Leaf 48. Stock 5. Leaf 60. Dos. 518. Leaf 98.

Vaïsse, M. (Ed.). (2006). *De Gaulle et la Russie : CNRS Histoire*. Paris, CNRS Ed.

The article was submitted on 20.05.2016